

*М. М. Соколовская,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных
дисциплин Белорусской государственной
академии музыки*

ПУБЛИКАЦИИ МИХАИЛА ЕЛЬСКОГО В ПОЛЬСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XIX ВЕКА

Михаил Ельский (1831–1904), белорусский скрипач, композитор и музыкальный писатель, оставил в польских изданиях «Ruch muzyczny» «Echo muzyczne», «Pamiętnik muzyczny i teatralny», «Echo muzyczne teatralne artystyczne» целый ряд высказываний по вопросам музыкального искусства.

В статье «Сравнение Паганини с Липиньским и несколько слов о скрипичной музыке» (1860) Ельский оценивает исполнительские стили Н. Паганини и К. Липиньского. Паганини прельщает публику блеском, виртуозностью игры. Липиньский превосходит Паганини силой, полнотой и чистотой исполнительского тона. На концертах Липиньского звучит возвышенная, просветленная музыка. Паганини же «не хватает красивых мыслей: нередко они бывают одеты в рациональную форму, и чаще в холад»^{*}.

Красивая музыкальная мысль понимается как интеллектуально-эмоциональный замысел произведения. Это идея, которая воспроизводит состояние души композитора в момент творчества. Согласно Ельскому, бессмертные творения сочиняются под воздействием не только таланта, но и настоящего умиления искусством. Из-за этого вдохновение такое чистое, полное возвышенного характера. Ельский выступает за высокородный запал в музыке. Признание слушателей и долговую память завоевывают лишь подлинные заслуги в искусстве – музыка для духа. Вместе с тем, как пишет Ельский, имеем много композиторов-скрипачей, но характер их музыки в сравнении с произведениями прошлого более бедный.

Музыкант должен быть нравственным человеком. Артист, присвоивший плохие привычки, развязное поведение на сцене,

---

^{*} Цитирование производится по следующему источнику: Сапранкова А. М. Михаил Ельский – исполнитель, композитор, публицист: диплом. работа студ. 5 курса БГАМ. Факультет ФКМ. Отделение музыковедения. – Минск, 2002. – 124 с. – Благодарим профессора И. Д. Назину за предоставленную возможность пользоваться переводами текста статей М. Ельского.

арлекинские выходки, позорит и глубоко оскорбляет искусство. Тот, кто желает стать артистом и имеет к этому природные способности, должен стремиться к образованию не только музыкальному, но и духовно-интеллектуальному, а еще больше к пробуждению в себе прекрасных черт души, которые потом непременно проявятся в композиторском и исполнительском творчестве. Таков, по мнению автора статьи, путь славы в искусстве.

В «Путевых воспоминаниях» (1861) проступают музыкальные реалии Европы второй половины XIX века. Ельский высказывается о музыкальной жизни в Польше. Хор оценивается им как неплохой, театральный оркестр вполне приличный, хотя нет сильных солистов. В опере женщины поют манерно, с преувеличенной экспрессией. Вечера камерной музыки, посещаемые местной публикой, воспитывают у нее вкус к инструментальной музыке. Но на концертах слушатели спят, просыпаются лишь под аплодисменты. В хорошем состоянии музыкальное искусство в Германии. Шарлатаны не имели бы возможности задержаться в стране, где к искусству относятся уважительно и серьезно. Во Франции популярностью пользуются итальянские оперы. В газетах музыкальные критики пишут отзывы на представления за деньги, иначе не обращают на артиста внимания, проявляют равнодушие. Критика не отражает мнения музыкальной общественности. Публика же не соглашается с принуждением в печати. Вместе с тем газетные отзывы оказываются чрезвычайно важными для самих исполнителей.

Ельский убежден, музыка имеет тесную связь с душой человека. Люди, не понимающие музыки, относящиеся к ней равнодушно, в определенной степени неполноценны – они могут быть умными, но холодные, всегда без сердца. Склонность к искусствам у человека должна соседствовать с добротой и высокородностью устремлений. Человек искусства – моральный человек. Предназначение музыки состоит в том, чтобы возвышать дух. Настоящие художники, артисты душой и сердцем, чувствуют живее и глубже обычных людей. Для их сердца мир бывает тесным, а те из них, кто по-настоящему полюбил искусство, больше других смогли полюбить человечество и все то, что красиво и благородно.

В статьях начала 1860-х годов «В. Банькевич» и «К. Стравинский» затронута проблема эстетического идеала. Искусство не имеет и не может иметь границ. Человек,

созерцающий совершенство, чувствует в душе наивысшую красоту, достичь которой он никогда не сможет в полной мере. Для этого мало жизни. В бессилии воплотить идеал каждый артист вряд ли добивался и половины того, о чем мечтал. В искусстве идеал тем выше, чем значительнее талант художника. Артисты и поэты, тонко чувствующие, противятся законам обыденного, стремятся отрешиться от суеты и гнетущей муки жизни. Они в творчестве ищут то, что может сбыться еще здесь, на земле, как предвкушение неземного блаженства.

Суждения Ельского извлекаем также из «Корреспонденции» (1862). Автор статьи обращается к выдающемуся инструментальному сочинению Людвига ван Бетховена – увертюре к опере «Фиделио» («Леонора»). В этом произведении, как считает Ельский, для дилетанта царят беспорядок и хаос. Только идеям артиста, его чувствам позволено все упорядочить, достичь источника, который будет первоэлементом всех вещей. Артисты являются великими настолько, насколько лучшие мыслители в других областях. Люди искусства – воплощение нравственной чистоты и гуманности, избранники, призванные явить глубочайшие человеческие чувства, дающие материи жизнь и мыслям форму, влекущие к духовному очищению. Они находятся на одном уровне со всеми добродетелями человечества. Почему же так мало людей, занимающихся искусством и лелеющих его в себе? Ельский не берется ответить на этот вопрос. Погрязшее в материализме общество перестало понимать ценность вещей. Обыватели позволили возобладать тленности мира, сделав ее своей целью, выбирают удобную профессию приверженцев убогого общества, и бедность уже не затрагивает их. Другие же погрязли в ней немало, возможно, даже не подозревая о том, что владеют огромным духовным богатством.

Плох тот артист, который ждет, чтобы его добросовестную работу почтили. Горько пеняет он на судьбу, неблагодарность, испорченный вкус в обществе. Но знаменитые музыканты ведь тоже люди, поэтому неудивительно, что им тем более тяжело быть непризнанными. История выносит приговор не сразу, а с течением времени; заслуги в композиторском искусстве признают только тогда, когда человека не станет. Чем выше артист, тем менее оценен при жизни, причем совсем не за то, за что следовало бы. И последнее, у большинства людей отсутствует эстетический вкус. Это легко показать, но не изменить. По меньшей мере, полагает

Ельский, понадобится соответственно воспитать не одно поколение слушателей. Разве что случай поможет решению такой задачи, потому что обычный ход вещей очень поздно приведет к улучшениям, если вообще приведет.

В статье «О музыкальном природном таланте и таланте, добытом работой» (1879) на обсуждение выносится вопрос о характере музыкальных способностей. Основа суждений о способностях в музыке – творческая сила или композиторский дар, наличие которого позволяет определить музыкальную гениальность. Композиторский дар включает в себя две прирожденные способности – к сочинению интересных мелодий и гармонии. Ельский утверждает, в свое время Шпор, Лахнер и Липиньский признавали естественную способность к гармонии наивысшей музыкальной способностью, которой может обладать человек. Композитор прямо-таки рождается с гармонией в душе, дальнейшее развитие навыков гармонического письма через науку происходит легко и быстро, позднее он сам прокладывает новые пути в музыкальной теории. Вместе с тем даже если композитор досконально изучил законы гармонии, контрапункт и оркестровку, не имея красивых мыслей, не может быть талантливым. Умиление искусством, жизнь в нем сообщают музыкальным идеям возвышенный характер, что составляет идеал в композиторско-исполнительской практике. Часто скрипач владеет виртуозной техникой, методикой игры, знанием музыки, но по тону исполнения, чистоте интонации распознаем, что не является талантом.

В структуру музыкальных способностей, наряду с одаренностью, входят слух и память. На формирование слуха особое влияние оказывают природа и климат той страны, откуда музыкант родом. По наблюдениям Ельского, в сравнении с другими народами итальянцы имеют более деликатный слух, что указывает на чувствительное состояние их ушных перепонки. Итальянская публика не переносит резкой музыки, наоборот, любит мягкую и нежную интонацию, фальшивая игра ее раздражает. Исполнительская манера Паганини в этом смысле остается непревзойденной, в чем его упрекали французы и немцы-скрипачи, «бо іграў малым гукам (сам чуў ад Алара меркаванне: «Паганіні? Ён мае маленькі гук»)). Паганини извлекал из скрипки чистый и светлый звук. Впоследствии такого колорита звучания уже не было слышно. Чем дальше на север от Италии, тем звук становится

сильнее и острее, что свидетельствует о менее чувствительных барабанных перепонках северных жителей. Климат может воздействовать на качества уха, поэтому Италия – колыбель сольной музыки, в Германии же востребованы большие звучные оркестры. Ельский вскрывает психологические механизмы творчества в рассуждениях о вдохновении. Выделяется три рода вдохновения: «священный огонь» или душевный огонь, «антипоэтический» алкогольный запал и хладнокровие. В процессе исполнения «священный огонь» следует использовать только там, где подсказывает артистическое чутье.

Искусством движет талант. Музыканты со средними способностями, даже усвоив теорию и овладев определенной исполнительской техникой, не должны становиться композиторами и солистами, хотя могут работать в оркестрах. Правильнее всего было бы направить энергию в область иной специальности, которая принесла бы обществу конкретную пользу. Наука, необходимая талантам, умножает лагерь бесполезных для прогресса искусства тружеников. Зерно науки, кинутое в неурожайную почву, но с претензиями на способности, может дать миру только ложных пророков, завистливых, сварливых и беспокойных сослуживцев. При этом либо композиторов без мысли, регрессивно настроенных по отношению к хорошему вкусу и высокородному стилю, либо целые полки фальшиво поющих и играющих музыкантов. Особенно *solo* на скрипке и виолончели – инструментах, ярко демонстрирующих талант или его отсутствие. Недостаток природного дарования, подкрепленного в музыке наукой, может также привести к появлению не одного шарлатана. Несмотря на то, что такое явление возможно и при высоких музыкальных способностях, хотя оно и редкое, и то лишь в тех случаях, когда артист морально испорчен как человек. Конечно, музыкант способный, но шарлатан может оказаться злым человеком. Другая аксиома – артисты без природного таланта, равно как способные и неспособные шарлатаны, больше всего склонны завидовать настоящим, врожденным талантам.

Неспособные к музыке люди не должны ей заниматься даже любительски – влияние в искусстве будет отрицательным. Еще более вредна для общества деятельность непрофессиональных музыкальных критиков, оценивающих музыку произвольно, выставляющих личный вкус за всеобщий. Ельский сравнивает таких обозревателей со слепыми, которые судят о цветах и оттенках. Ничто не переживается талантом так тяжело как долгая

полемика индивидуальных мнений рецензентов и даже всей общественности, ничто не бывает таким трудным, как, в конце концов, установление репутации среди хаоса впечатлений и взглядов. И после обретения артистического имени единичное негативное суждение может сильно огорчать и не давать покоя. Сколько лет самоотверженного труда, жертв и затрат потребуется для достижения таланта и некоторого положения при природных способностях, а случается, было достаточно одной минуты, одного каприза или росчерка пера, чтобы уничтожить все усилия и заслуги артиста, смешать его с грязью. Есть сердца, сочувствующие высокородной работе музыканта, который в искусстве вынужден руководствоваться прежде всего своими эмоциями. Ведь для куска хлеба и места в оркестре можно обойтись и меньшими стараниями. Природные таланты обычно сострадательны к более слабым собратьям. Те из них, кто сумел достичь определенного совершенства, нередко выделяются взаимным уважением друг к другу, приязнью и обоюдным расположением.

Представляет интерес работа Ельского «Музыка у нас и за границей» (1879). На Беларуси мало кто интересуется музыкой, хлеб насущный становится главной целью жизни. Общество живет больше материальными интересами, апатичная проза преобладает во всем. Трудно тем талантливым музыкантам, которые не имеют средств к существованию. Лишенные возможности развивать свои способности и мастерство, такие люди вынуждены много работать и думать о деньгах. Им приходится посвящать себя проведению лекций для бездарных учеников, которых родители учат музыке из-за моды, а не по причине настоящей захваченности искусством. На музыкальное искусство нет средств и энтузиазма, чтобы соревноваться с Европой. За границей музыка есть потребность ума и сердца. В европейской провинции хорошо развита костельная музыка – органы настроены, органисты приличные, народное пение правильное и чистое. В нашем крае, пишет Ельский, музыка находится под воздействием моды. В городах популярны танцы, в глубинке – полное безразличие. Церковной музыкой на Беларуси пренебрегают. Во время православных молитв и процессий пение часто фальшивое и крикливое, многие исполнители от природы лишены музыкального слуха. В целом, как считает Ельский, край вне музыкальной цивилизации, от Западной Европы отстал на несколько столетий. И этому есть объяснение. У белорусов эстетическое чувство сформировалось позже и в меньшей степени, чем у западных народов. Славяне не так музыкальны, как немцы и

жители других стран Западной Европы. В содержании славянских народных песен мало поэзии и музыкального вдохновения. Ощущаемые в песнях печаль и страдание являются следствием непростой исторической судьбы славянского народа. Как вывод, Ельский пишет о необходимости наследовать традиции западноевропейской музыкальной культуры.

В целом, статьи Ельского написаны доходчиво и рассчитаны на восприятие широкой читательской аудитории. В них отсутствуют абстрактные, отвлеченные умозаключения, автор отказывается от системного теоретизирования.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ